

«...СРЕДИ ЧИСТОГО СНЕГА И НЕБА»

ДО ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ, что в полчасе езды от города, туляки готовы буквально довести за руку. Дорогу рас- толкует и школьник, и студент, и рабочий. Остановка автобу- са так и называется: Ясная Поляна.

В стороне осталась ожив- ленная магистраль. Утро только начинается. Морозно. Небо покрыто неестественной синью. Вот-вот из-за могучих деревьев появится солнце. А кругом снег, снег...

«Не оставляйте мысль посе- тить нас. Снег у нас белый, как снег, и в воздухе кисло- роду и озону пропасть», — так приглашал Толстой в гости в Ясную Поляну В. В. Стасова. Это было более восьмидесяти лет назад. Может быть, вот в такое же ясное утро писа- тель отправил то письмо.

Две белые башни служат входом в усадьбу. Дорога, окаймленная стройными бере- зами, называется, как и в ста- рину, «Прешпект». И эти ворота, и «Прешпект» неоднократ- но упоминались писателем в романе «Война и мир», когда речь шла об имении Болкон- ских Лысье горы.

Слева от въездной аллеи — Большой пруд. В зимнее вре- мя он превращался в каток, и Толстой с членами семьи, го- стями и деревенскими ребята- ми катался на коньках.

«А летом, — как воспомина- ет один из современников Толстого, — все ученики шко- лы в Ясной Поляне во главе со Львом Николаевичем купа- лись в пруду, показывали ему свое искусство: прыгали с бе- рега вразгонку, плавали, ны- ряли, перегоняли друг друга. А Лев Николаевич лежал на

траве, подпершись рукою под голову, и смеялся во весь рот, в особенности, когда кто хотел показать себя, а не вы- ходило».

Удивительные чувства охва- тывают человека, проходящего по ровным, ухоженным алле- ям усадьбы. Вот пасека, теп- лицы, яснополянский парк, пересеченный липовыми алле- ями, которые, сходясь в цент- ре, делят массив на клинья. Поэтому и название у парка — Клины. Здесь любил гулять Толстой, здесь он обдумывал свои произведения. Лев Нико- лаевич причастен в усадьбе к самой маленькой мелочи: 50 лет он здесь жил, работал, писал, каждая вещь напоминает о хозяине.

Обстановка в доме подлин- ная, та самая, которая окру- жала в свое время писателя. А ведь на нее покушались гит- леровские вандалы, ворвавши- еся в конце октября 1941 го- да на автомашинах и танках в усадьбу и превратившие дом Толстого в солдатскую ка- зарму. При отступлении фа- шисты подожгли дом. Но горстка людей — научные сот- рудники музея, служитель и бывший кучер писателя спас- ли дом от пожара. И сразу же для советских воинов бы- ла проведена первая экскур- сия.

Дом пустой (все наиболее ценное было эвакуировано еще до прихода фашистов), со следами разгрома и пожара, но советские солдаты и ко- мандиры шли и шли на поклон- нение к писателю. Только на два месяца прервался этот живой поток. Фашисты дорого заплатились за надругательст- во над памятью великого пи-

сателя.

Лев Николаевич ушел на- всегда из Ясной Поляны ночью 28 октября 1910 года. В его спальне такой и сохранена об- становка, какой она была в ту ночь. Простая кровать, полот- няная блуза, вязаная куртка, холщовый халат, голов- ные уборы, складная трость и гимнастические гири — все это аккуратно разложе- но, и создается впечатление, что хозяин этих вещей вот-вот войдет в комнату.

Около двадцати лет писате- лю служила рабочим кабин- етом «комната под сводами», а рядом с ней — последнее по- мещение дома, где 22 нояб- ря 1910 года, в день похорон Л. Н. Толстого, стоял приве- зенный со станции Астапово гроб с его телом. Через эту комнату прошли тысячи лю- дей. И каждый, прощаясь с любимым писателем, оставил здесь частичку скорбящего сердца.

Писатель завещал похоро- нить его просто, место погре- бения на краю оврага Толстой указал сам: «...Главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несча- стий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы по- стоянно счастливы, эта тайна была, как он (Николенька — брат Л. Н. Толстого) нам го- ворил, написана им на зеле- ной палочке, и палочка эта зары- та у дороги, на краю ов- рага старого Заказа, в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть мой труп, просил в память о Николеньке закопать меня». Так писал Толстой.

Много времени и сил необ-

ходимо, чтобы ознакомиться с Ясной Поляной полностью. Это и литературный музей и Ясно- полянский заповедник, занятый лесами и фруктовыми садами. Большинство посадок Лев Ни- колаевич сделал сам. Он очень любил березы. В Ясной Поля- не из 180 гектаров земли, занятой лесом, 128 принадле- жат березам. В семидесяте годы прошлого века в усадь- бе появилась березовая роща, сохранившая до наших дней название Абрамовская. Ее по- сажил сам Толстой при участии садовника Абрамова. В эту ро- щу в 1900 году Толстой водил гулять А. М. Горького, кото- рый впоследствии вспоминал: «Был осенний хмурый день, моросил дождь, он (Толстой), надев тяжелое драповое паль- то и высокие кожаные ботино- ки, настоящие мокроступы, — повел меня гулять в бере- зовую рощу. Молодо прыгает через канавы, лужи, отряхива- ет капли дождя с веток на го- лову себе и... ласково рукою гладит сероватые, атласные стволы берез».

...Тихо в лесу. Слышно лишь, как перелетают с ветки на ветку синицы. Люди подходят к живой изгороди, за которой на небольшой поляне высится холмик — скромная могила великого Толстого. Мужчины молча снимают шапки. Стоят. Долго стоят и думают. Ухо- дить не хочется. На память приходят слова Л. Н. Толстого: «У нас нехорошо только в смысле городской суеты. Ча- сто вспоминаю и об едине- нии среди чистого снега и неба».

М. ЮРЬЕВ

3 ФЕВ 1983

С. М. Е. Н. А.
Г. Ленинград